

Секрет поэтической молодости

21 января ангарскому поэту Валерию Алексееву исполнилось 80... Ушедший век-волкодав всерьез проверял юбиляра на прочность: студент Московского института международных отношений, комсорг и активист, будущий дипломат оказался на сибирских нарах – «протоптал дорожку я от Печоры до Чукотки». Он и сейчас не едет на ПМЖ (постоянное место жительства) в Москву – прикипел сердцем к Сибири. автор многих сборников, много лет возглавлявший Ангарское литобъединение, накануне своего юбилея отвечал на вопросы Натальи Овчинниковой:

- Говорят, поэтом надо родиться. Как вы стали поэтом?

- Генрих Гейне говорил: «Для того, чтобы стать поэтом, надо сильно и страстно любить или быть глубоко несчастным человеком. Я испытал и то, и другое: и сильную любовь, и несчастий на мою долю тоже хватило. Первая любовь – женщина, с которой я до сих пор поддерживаю самые теплые отношения, дала мне такой колоссальный импульс, толкнувший меня к поэтическому творчеству, что я, как брюсовский «юноша бедный со взором горящим» уже не смог остановиться на полпути, не смогу этого сделать и в конце его

В седьмом классе я страстно влюбился в свою одноклассницу. Она была дочерью директора Южно-Уральского никелевого комбината, мечтала стать артисткой, а стала заведующей отделом московского телевидения. Мы проучились вместе четыре года, расстались 21 июня 1941 года, накануне войны. Отец ее получил новое назначение, и мы условились, что в августе 1941 года мы с нею встречаемся в Москве. Я поступаю в авиационный институт, а она в театральное училище имени Щепкина. А на другой день началась война...»

- Когда были напечатаны Ваши первые стихи?

- Мои первые стихи были напечатаны в 1939 году в газете «Орский рабочий».

- Чем объяснить Ваш переход от поэзии к прозе?

- Пять лет тому назад вышла моя главная поэтическая книга «Соловецкий камень». Это итог моей 40-летней работы в поэзии. Такую книгу нельзя сочинить за один год и даже за пять лет. Да и нет в этом необходимости. К прозе же меня привела книга воспоминаний, охватывающая полувековой период моей жизни, зарифмовать который просто невозможно, да и не нужно. Каждая задуманная вещь требует своего жанра. В свое время я, очарованный романом Льва Толстого «анна Каренина» пожалел о том, что Толстой не был поэтом. Если бы он был

поэтом, то непременно написал бы роман в стихах. И я решил исправить «ошибку» Толстого и стал излагать его роман стихами. Я переложил первую часть романа в стихи, получилось в общем-то неплохо, но глупо и бессмысленно. От продолжения «Анны Карениной» в стихах пришлось отказаться за ненужностью. Поэтому мне и пришлось проделать «кандалный путь от «Соловецкого камня» к «Московскому тракту». У меня в кабинете десятки папок со стихами разных лет, в книжном шкафу – десятков тетрадей стихов, написанных под «созвездием ГУЛАГа». Стихи я не бросаю, а спасаю то, что можно спасти, и пишу новые стихи. Недавно закончил цикл стихов «Колесо Фортуны», который будет напечатан в журнале «Сибирь» №1 за этот год. Позвольте пригласить вас и всех любителей поэзии на мой юбилейный вечер, который состоится в воскресенье 26 января в малом зале ДК нефтехимиков в 15 часов. Вход свободный. Мою юбилейную книгу «Соловецкий камень» можно приобрести в библиотеке ДК нефтехимиков.

Колесо Фортуны

От баланды невесом,
Я чифир глушил в Певеке,
Чтоб забыть тебя навеки,
Как дурной и страшный сон.
Я твой узел разрубил,
Не хочу быть третьим лишним,
Хотя я тебя любил
Нравне с самим Всевышним.
Ты ж всегда была земной,
От моих стихов устала,
Вслед не ринулась за мной
И Волконскою не стала.
В заполярном царстве мхов,
Как опальный нищий герцог,
Я живу с надеждой в сердце
В мире мата и стихов.
Да, я верю одному,
Что наступит пробужденье:
Светлый луч освобожденья
Озарит мою тюрьму.
И вернусь я в отчий дом,
Непременно в летний вечер,
И седые мать с отцом

Сыну выбегут навстречу.
И племянник подойдет,
Бросив детскую лопату,
И доверчиво прильнет
К арестантскому бушлату.
Для тебя лишь, знаю я,
Среди нас не будет места...
Но, улыбку затая,
В дом войдет моя невеста.
И когда накроют стол
И толпой нахлынут гости
В честь того, что я пришел,
И напомнят мне о тосте,
И скажу им всем:
- Друзья!
Хорошо быть в отчем доме...
Побродил немало я
По Чукотке и по Коми.
Понял я, в чем жизни соль,
Горечь в чем ее и сладость?!
Знаю, что такое боль,
Знаю, что такое радость?!
И хочу, чтоб никогда
Вы об этом не узнали...
Слишком много в сердце льда
Остается и печали
После странствий по земле,
После горестных скитаний.
Еле теплится в золе
Огонек воспоминаний.
И в холодном пепле грез
Не найти следа бывшего,
Но мне радостно до слез,
Что я вижу всех вас снова.
Так давайте же вином
Душу жечь и веселиться,
Чтобы в пляс пустился дом,
Чтоб я мог на миг забыться,
Отдохнуть больной душой,

Изуродованной веком...
До чего же хорошо
На земле быть Человеком!..
И когда пойдет гульба,
Хлынут ливнем в душу песни,
Безобразная судьба
Станет ангела прелестней.
Вспомню молодость и я,
И пройду по половицам
Так, что ахнет мать моя
И невеста удивится.
Не ударю в грязь лицом
Под ее лукавым взором;
Перед добрым молодцом
Вмиг расступятся танцоры.
И забуду я в тот миг
Все на свете, все на свете:
Дым костров и мудрость книг,
Ледяной чукотский ветер...
И когда ты в дом войдешь
В блеске модного наряда
Так, как в сердце входит нож,
Я скажу тебе:
- Не надо!..
Я Фортуны колесо
Крутанул еще в Певеке
И забыл тебя навеки,
Как дурной и страшный сон.

Алексеев, В.
Подробности. – 2003. – 23 января. – С.5.